

Современный антиглобализм

(к поиску культурных корней популярного движения наших дней)

Миллионы и миллионы граждан убеждаются на своем опыте, что глобализация не подарок судьбы, а сила разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни.

Кофи Аннан. Из выступления на
53-й сессии Генеральной
Ассамблеи ООН

В третьем, завершающем томе «Систематической теологии» (1963), анализируя культурно-антропологические параметры исторического процесса, Пауль Тиллих обратил внимание на усиление духовно-нравственной амбивалентности социально-исторических явлений, назвав этот феномен закономерностью *возрастания антиномичности истории* [8].

Действительно, за приобщение к вожделенным плодам цивилизации — возросшей технико-экономической эффективности, победе над пространством-временем в электронных СМИ, экстраординарным удобствам и услугам, которые впервые в истории становятся доступными массам, — людям приходится платить все большую цену, ежедневно сталкиваясь с ростом социально-экономического неравенства, неискоренимостью террора, моральной деградацией культуры.

Анализ тенденций трансформации еще недавно столь привычных моделей мироустройства выявляет крайнюю антиномичность всеобъемлющих процессов глобализации, когда практически каждый (финансово-экономический, информационный, социально-культурный) аспект транснационализации жизни сразу же проявляет теневую сторону. Так, формирование единого мирового информационного пространства, с одной стороны, резко интенсифицирует научно-исследовательский процесс, культурный обмен, торговлю; с другой — провоцирует расцвет финансовых спекуляций и компьютерного терроризма, рассылку *urbi et orbi* антигуманной киберкультуры. Единообразие информационно-зрелищных технологий, безусловно, формирует некий глобальный

менталитет, но и ведет к росту внушаемости индивида, засилью рекламы, большей конформности социума. Словом, глобальная *цивилизация удобств и услуг* в ходе финансово-технологической экспансии все отчетливее демонстрирует структурные изъяны, деформирующие как личность, так и социум, что заставляет исследователей, с легкой руки американского социолога Дж.Нэбита, говорить о *глобальном парадоксе* [12], взрывообразном росте взаимоисключающих тенденций, способных инициировать спонтанный процесс саморазрушения цивилизации.

Невзирая на пышную риторику саммитов большой семерки, ВТО и МВФ, толкующих о коллективной безопасности и якобы обретенной мировой стабильности, все более катастрофичным становится разрыв между сверхобеспеченным меньшинством и обездоленным большинством, самозванным демиургизмом международной финансово-политической олигархии и жертвенным бесправием управляемого человечества, изощренностью передовых информационных и военных технологий и реальной деиндустриализацией значительных регионов мировой периферии.

Случайно ли взрывообразное нарастание антиномичности судьбоносных процессов глобализации? Вряд ли экстремальную поляризацию ее тенденций можно счесть проявлением очередного *нормального кризиса* [термин М.А.Чешкова — 11], неизбежного спутника узловых моментов в развитии мировой цивилизации. Вряд ли утешительна (особенно для жертв радикальной всепланетарной перестройки) трактовка ее издержек как неизбежной платы за технологический прогресс, залог благополучия грядущих поколений. Снижение уровня жизни большинства людей, ликвидация социальных завоеваний и политических свобод, сопряженная с деградацией природной и социальной среды в результате глобального перераспределения ресурсов планеты, вряд ли преисполнит население энтузиазмом по поводу сомнительной чести «унавозить собой» (по колоритному выражению знаменитого русского нигилиста) комфортную жизнь «золотого миллиарда».

Задолго до возникновения неолиберальной концепции *нового тоталитаризма рынка* [Игнасио Рамоне — 6, с.42] лучшие умы человечества (достаточно вспомнить Ф.М.Достоевского, Дж.Оруэлла и О.Хаксли) предостерегали: в глобальном обществе человек становится объектом глобального управления. Свыше ста лет назад Константин Леонтьев — этот, поистине, пророк антиглобализма, мало понятый при жизни, — более двенадцати лет (1872—1884) работал над сочинением с симптоматическим названием: «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». В наши дни короткой исторической памяти новый идеологический канон (негласный, но от этого отнюдь не менее грозный) настойчиво акцентирует приоритетность прав атомизированного

индивида — *потребителя*, послушного данника складывающейся всемирной системы товаров, услуг, информации. Глобальная конструкция постсовременного общества, прорастающего сквозь ветшающие институты национально-государственного обустройства, внешне как будто нацелена именно на обеспечение конкретных нужд конкретного индивида (во всяком случае, как потребителя), но в целом транснационализация мировых процессов имеет отчетливо дегуманизирующий характер. И все же неоправданным преувеличением было бы сказать, что так страшивший Леонтьева всемирный *либерально-эгалитарный процесс* [4, с.126] превратил население обеспеченных (и не очень) западных стран в орды конформистов-потребителей, заслуживших *право* на питание обрывками дозированной лжеинформации, фальсифицированными продуктами, суррогатами массовой культуры.

ВРЕЗКА 1. Честь западного гражданского общества, не желающего в лице лучших своих представителей мириться с такими гримасами олигархической глобализации, как ограничение политических свобод, практика превентивных войн, наступление на экономические права трудящихся, отстаивали *антиглобалисты*. Крайне пестрое в идейно—организационном отношении, это движение, так громко заявившее о себе акциями в Сиэтле, Лондоне, Бангкоке, Праге, Генуе и т.д., вышло из недр антиистеблишментского андеграунда 70—80-х гг. прошлого века, в котором с известной долей приблизительности можно вычленил такие пласты, как *коммунитарное движение, альтернативная культура, New Age*¹.

Борис Ключников, постоянно живущий в Париже знаток западного *протестного* антиистеблишмента, отмечает, что движение антиглобалистов, с началом XXI века месяц от месяца наращивая ряды, постепенно утрачивает маргинальный статус в силу общей радикализации западного сознания из-за войны в Ираке и сужения социальных завоеваний [3]. Антонио Негри и Майкл Хардт, активисты движения, протестуют против названия, присвоенного СМИ антиглобалистам: «Они — не изоляционисты, не сепаратисты и даже не националисты», поскольку, выступая против «нынешней формы капиталистической глобализации» [5], в большинстве своем не отвергают «глобализационных процессов как таковых», настаивая на их демократизации (например, рассекречивание тайных меморандумов таких теневых органов глобальной власти, как МВФ, ВТО, саммиты большой

¹ Информацию об этих движениях см. в изданиях НИО Информкультура: *Савицкая Т.Е. «Альтернативная культура» 70 — 80-х гг. на Западе: Теория и практика // Общие проблемы культуры: Обзор/ информ. — М.: ГБЛ, 1988.— Вып. 2. — 32 с.; Савицкая Т.Е. «New Age» («Новый век»): Филос. концепция и культурная реальность: (по материалам зарубеж. публ. 80 — начала 90 — х гг.) // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения: Информ. сб. — М., 1993. — Вып. 5. — С. 1—14.*

семерки). Более корректно, считают Негри и Хардт, именовать движение *про-* или *альтерглобализмом*.

Представители антиистеблишментского андеграунда наших дней в полной мере разделяют такой мировоззренческий штамп леворадикального сознания, как страх перед жупелом *тоталитаризма* (подчас бдительно усматриваемого в любой национально-государственной программе, выходящей за рамки обостренного индивидуализма и тем самым невольно утесняющей пресловутые *права человека*, собственника и потребителя). Отчасти именно поэтому современный антиглобализм, довольствуясь единением на уровне этоса, еще не сформировал общей программы, ограничиваясь более или менее артикулированными требованиями к властям предержащим. Наиболее четкие из требований — комплекс социально-экономических мер, разработанных Джеймсом Тобином, нобелевским лауреатом по экономике, примыкающим к антиглобалистской группе *Аттак*.

Расширяясь и консолидируясь, движение остается антииерархической *сетевой* организацией, свободно связанным конгломератом различных по численности, финансовому и информационному ресурсу групп, проектов, программ. Всевозможно избегая номенклатурных и административных форм институционализации, движение регулярно организует масштабные съезды, получившие наименование *социальных форумов*. На Всемирном социальном форуме, состоявшемся в 2002 г. в Порту-Алегри (Бразилия), был принят *Призыв*: «Против неолиберализма, войны и милитаризма, за мир и социальную справедливость».

Одно из положений этого документа извещает:

«Мы — разные: женщины и мужчины, взрослые и молодые, представители коренных народностей, жители города и села, рабочие и безработные, бездомные и престарелые, студенты и мигранты, профессионалы, люди разных убеждений, цвета кожи и сексуальных ориентаций.... Мы — движение всемирной солидарности, объединенные в своей решимости бороться против концентрации богатства, бедности и неравенства, разрушения нашей Земли. Мы создаем широкое объединение на основе нашей борьбы и сопротивления системе, основанной на сексизме, расизме и насилии, которая защищает привилегии капитала и патриархата в противоположность нуждам и стремлениям людей»[1, с.398].

Новый *Интернационал обездоленных*, демонстрируя завидную политкорректность и радикальный плюрализм мировоззрений, выдвигает свои требования:

«Мы боремся за:

- демократию: люди имеют право знать о решениях собственных правительств и критиковать их, особенно в отношении сделок с международными институтами. Правительства, в конечном счете, подотчетны своим народам. В то

время как мы поддерживаем учреждение избирательской и представительской демократии по всему миру, мы особо подчеркиваем необходимость демократических государств и обществ и необходимость борьбы против диктатуры;

- отмену внешнего долга и репараций;*
- введение социальных налогов, таких, как налог Тобина (имеется в виду налог на спекулятивные финансовые операции, впервые предложенный английским экономистом Джеймсом Тобином — Т.С.), и отмену налоговых «раев»;*
- права на информацию;*
- соблюдение прав жизни, свободу от насилия, бедности и эксплуатации;*
- права молодежи, доступного для молодежи бесплатного общественного образования и социальной автономии, отмену обязательной военной службы.*

Мы боремся против войны и милитаризма, против иностранных военных баз, интервенции, ...эскалации насилия.

Мы приветствуем переговоры и несиловое решение конфликтов. Мы подтверждаем право для всех людей обращаться к международным посредникам с участием независимых действующих лиц от гражданского общества. Мы выступаем за самоопределение всех народов, особенно соблюдение прав коренных народов»[1, с.403].

Что понимается в документе под *соблюдением прав жизни*? В ситуации длящегося не один год глобального экономического спада, когда под давлением мировой олигархии национальные правительства идут на приватизацию, сокращение расходов социального сектора и непрерывное урезание прав рабочих, — это, в первую очередь, борьба профсоюзов за права трудящихся (включая занятых в транснациональных компаниях и их филиалах), это «право на заключение коллективных договоров, против эксплуатации детского труда, сексуальной эксплуатации детей и женщин; право на физическую неприкосновенность и законный статус всех мигрантов; права местных народов; соблюдение 169-й статьи Международной Организации Труда в рамках национальных законодательств; отмена долга и репараций» [1, с.401].

Далее мотивируются *естественные биосоциальные права*, общие для граждан Земли: «Вода, земля, продовольствие, леса, семена, культурная и человеческая самобытность являются общим активом человечества для существующих и будущих поколений. Сохранение биологического разнообразия необходимо. Люди имеют право на постоянный доступ к безопасным продуктам питания, свободным от генетически измененных организмов. Продовольственный суверенитет на местном, национальном и региональном уровнях — это основное человеческое право; в этом отношении

демократические земельные реформы и доступность земли для крестьян являются фундаментальными требованиями» [1, с.402].

ВРЕЗКА 2. Антиглобалисты — против торговли землей, превращения в частную собственность таких элементов национальных культур (главным образом, коренных народов), как музыкальный фольклор, декоративное искусство, народный костюм, навыки традиционного землепользования и животноводства (включая местные сорта растений и породы скота), национальная кухня. Антиглобалисты — против рыночного тоталитаризма, стремящегося все превратить в товар; против неолиберального курса ВТО и МВФ, давно перетекшего в новый колониализм: «Для нас продовольствие, общественный сектор, сельское хозяйство, здоровье и образование — не для продажи. Патентование не должно использоваться как орудие против бедных стран и народов. Мы против патентования и торговли формами жизни, ...реколонизации, разрушения фундаментальных социальных, экономических, культурных и экологических ценностей, прав и свобод» [1, с.402].

Проблему, поднятую антиглобалистами, нельзя не считать актуальной.

Как пишут американские журналисты Зиинуддин Сардар и Мэррил Ван Дэвис в книге «Почему люди ненавидят Америку»: «Скупив большую часть мировых ресурсов, Америка положила глаз на то немногое, что еще осталось в развивающихся странах: флору, фауну, видовое разнообразие и даже ДНК жителей планеты» [7, с.84—85]. Как пример приобретающего легитимность биологического пиратства журналисты расценивают такой факт: «Не так давно в Министерство торговли США было подано патентное ходатайство на клеточную линию Т-клеточного лимфотропного вируса типа 1, взятого у 26-летней женщины из племени гвайлуп (Панама)» [7, с.86].

Анализ принятой в Бразилии декларации позволяет сделать следующие выводы:

1. Антиглобализм — движение леворадикальное по идеологии (и фразеологии), опирающееся на традиции, инфраструктуру, кадровый потенциал западного протестного движения, но при этом вполне современное, «кооптировавшее» программные положения радикального феминизма, пацифизма, экологического радикализма.

2. В отличие от таких оппонентов олигархической глобализации, как неотрадиционалисты и религиозные фундаменталисты, делающих ставку на возрождение архаической модели личности и социума (по причине чего Юрген Хабермас, разрабатывая парадигму современных культурно-политических движений, присвоил им наименование *пре-модернистов*, до-модернистов), антиглобалисты вполне контекстуальны отрицаемому миру. С их установкой на идейный и организационный плюрализм, принципиальную

мозаичность форм проявления, антиавторитарный этос они плоть от плоти постсовременного мира. Как оппоненты *неолиберального консенсуса* антиглобалисты против превращения логики прибыли и спекуляции в *main stream* мирового цивилизационного процесса; против политики мировой олигархии, девальвирующей принципы демократии и демонтирующей национальный суверенитет. Однако они, безусловно, за такие основополагающие концепты новоевропейского менталитета, как демократия западного типа, научно-технический прогресс, права человека. Играя с *людьми Давоса* в едином концептуальном поле, новые диссиденты капиталистической глобализации формируют *анти-Давос* глобального (или, по крайней мере, паневропейского) гражданского сопротивления разрушению жизненно важных политических и экономических структур, деградации массового образования и здравоохранения, примитивной вестернизации и криминализации культуры. Кстати, ежегодный форум антиглобалистов в Бразилии получил в прессе наименование Анти-Давоса после телемоста между его участниками и очередной встречей международной финансово-политической элиты в Давосе. Глобальный диалог между глобалистами и антиглобалистами широко освещался мировыми СМИ.

3. Проблематичным пока остается вопрос, смогут ли антиглобалисты противопоставить (хотя бы в идеальном концептуально-проектном варианте) реальную альтернативу той вездесущей и многомерной системе глобального управления, которая стремительно формируется на планете под давлением мировой олигархии. Пока что все теоретические документы движения (включая ту декларацию, что цитировалась выше) демонстрируют, говоря слогом классика отечественной политграмоты, рудименты *детской болезни левизны*: социальный инфантилизм; безоглядный пацифизм, отрицающий все войны как захватнические, грабительские, так и оборонительные и освободительные; отсутствие внятных социально-экономических инициатив, выходящих за рамки знаменитых *отнять и поделить*.

4. Сила антиглобализма, безусловно, в его *этосе и практике*. За ним стоит массовая обеспокоенность граждан, в первую очередь европейских стран, моральной несправедливостью складывающегося *нового мирового порядка*. Общественное мнение (традиционно формирующееся прежде всего в среде гуманитарной интеллигенции, студенчества) все более непримиримо отторгает хищнический вампиризм ТНК, ведущий к реколонизации стран *мировой периферии* и войнам за передел энергетических ресурсов; фактическое узаконение практики попрания национального суверенитета и диктат грубой силы, фарисейски прикрываемые псевдогуманитарной фразеологией. К чести антиглобалистов, им удалось вернуть в общественную жизнь Запада моральный пафос,

вдохнуть новую жизнь в универалистские идеалы всемирной солидарности нового Интернационала обездоленных. ВРЕЗКА 3. Эти люди — молодые и не очень, длинноволосые, с бородками под *комманданте* Маркоса, в майках с анархистскими слоганами, с самодельными плакатами и всегда готовым чучелом Буша или Блэра в руках — отстаивают достоинство великой христианской цивилизации Запада, казалось бы, безвозвратно погибшее в тисках консьюмеризма. Но — важно подчеркнуть — их протест против контроля корпораций над человечеством, парадоксальным образом сочетающий моральный активизм и социальный инфантилизм, вполне укладывается в традиционную для новоевропейского индивидуализма парадигму *Я-сознания* с присущим ей сингуляристским видением социума как механистической суммы индивидов.

Культурные корни исторического парадокса современной глобализации, соотнесение плодов и посулов которой можно прекрасно выразить русской пословицей: «На языке мед, под языком лед», исследователи усматривают в гностической подоплеке западного предпринимательства, в цивилизационной ущербности западного сознания, приведшей к абсолютизации экономической стратегии и политической технологии неолиберализма [10]. Безусловно, социально-антропологические изъяны современной глобализации имеют культурогенную природу. Они не только имманентны, если так можно выразиться, самому процессу развития западной культуры, начиная с эпохи Нового мира (а по некоторым параметрам — с Возрождения), но и фундаментально встроены в сам тип порождаемой этой культурой личности, в том числе и *личности протестующей*. Между тем стоящие перед человечеством глобальные проблемы настоятельно требуют выхода за архитипические для новоевропейского сознания рамки бунта против патриархального отца и его социальных и метафизических коррелятов.

Новый уровень социальной ответственности несовместим со стереотипами *Я-сознания*. Именно на парадоксальной попытке организовать единое человечество, стимулируя радикальный индивидуализм (в первую очередь через пропаганду престижного потребления), зиждется отрицаемая антиглобалистами олигархическая модель глобального управления. Отказ (зачастую вынужденный по причине неблагоприятности поставленных целей) от методов прямой апелляции к уму и сердцу граждан, напоминающей им о приоритетности религиозно-нравственных, коллективистских по преимуществу установок их индивидуального сознания, ведет к скрытой манипуляции общественным бессознательным.

Современный политологический дискурс задыхается от неолиберальной риторики, маскирующей такие горькие плоды с древа социально-политического постмодерна, как *гуманитарная интервенция*, стратегия управляемого религиозно-этнического конфликта,

черный пиар политехнологий, разграбление сырьевых и иных ресурсов *мировой периферии*, ведущее к беспрецедентному усилению структур анонимной тоталитарной власти. Вряд ли стоит нам, обитающим на бескрайних просторах России, *мастерской мира* (говоря Лефовским языком), напоминать о том, к чему может привести такая воспаленная *головная* (термин Ф.М.Достоевского) любовь к человечеству современных *общечеловеков*, демонстративно пренебрегающих не только душевно-духовными, но и непосредственными материальными нуждами людей.

В наши дни рост социальной аномии среди жителей больших городов, воспитанных на индивидуализированном потреблении стандартизированной продукции — от суррогатов продуктов до суррогатов новостей и коммерциализированной культуры, вывел из сферы общественного внимания тот факт, что любому личному сознанию неотъемлемо присущи (прирождены) социально-культурные, национально-исторические, религиозные характеристики, на что обращал внимание Семен Людвигович Франк, замечательный русский философ, в свое время переболевший, как известно, легальным марксизмом и народничеством. В социальном учении С.Л.Франка, столь разительно контрастирующем с поистине людоедским редукционизмом глобалистов-либералов, отрицающим за индивидом право на национально-государственную принадлежность, историческую память, причастность к культурно-исторической миссии и судьбе, присутствует замечательное качество, которое можно назвать социальным онтологизмом, видением реальных (а не идеологизированных) жизненных процессов в конкретных формах их проявления, приведшее к пониманию того, что «сколь бы существенно ни было разделение на *я* и *ты* или на *я* и *они*, это разделение само возможно лишь на основе высшего, объемлющего их единства *мы* [9]. Разработанная Франком парадигма коллективистического «*мы-сознания*» как необъемлемая структура индивидуального сознания в ряде моментов пересекается с интенциональными структурами *жизненного мира* позднего Э. Гуссерля, а также с учением о диалоге *Я* и *Ты* как основе индивидуального сознания у М.Бубера.

Настоящий, а не календарный XXI век, начавшийся, как представляется, 11 сентября 2001 года впечатляющим обрушением башен ВТЦ, символов самонадеянной мощи *Молоха мирового рынка* [3, с.210], резко повысил градус указанной Паулем Тиллихом антиномичности всемирно-исторического процесса, отмеченной, кстати, еще в середине 30-х гг. XX века замечательным русским философом отцом Валентином Свенцицким. С одной стороны, хозяевами геофинансов, виртуозно освоившими технику манипулирования финансовыми потоками, в ускоренном темпе формируется система планетарного паразитизма как завершение (последний этап) *экономизма*, сопряженного с

деструктивным видоизменением социума и личности, массовым порождением «всемирного человека, т.е. инфрачеловеческого атома, лишённого культуры, чувства и понимания другого человека» [6, с.46]. С другой стороны, повсюду, особенно в Европе, возрастает роль гражданского общества, которое бросает вызов всевластию корпораций [3, с.208], отстаивая честь и достоинство человека. Без понимания механизмов формирования глобальной культурной аберрации, угрожающей самому существованию человечества, вряд ли возможно противопоставить жизнеспособную альтернативу новому планетарному тоталитаризму, сделавшему ставку на порочность человеческой натуры.

Список использованной литературы

1. Всемирный социальный форум 2002 года: Призыв общественного движения в Порту-Алегри II. Против неолиберализма, войны и милитаризма, за мир и социальную справедливость // Русская нация и государство. — М., 2002. — С. 398—402.
2. Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. — М., 2001. — С. 64—83.
3. Ключников Б. О глобализме, новом тоталитаризме и России // Наш современник. — 2000. — №6. — С.200—211.
4. Леонтьев К.Н. Избранное. — М.: Рарог—Русский рабочий, 1993.
5. Негри А., Хардт М. Чего хотят демонстранты в Генуе? // www.archipelag.ru
6. Рамоне И. Геополитика хаоса. — М., 2002.
7. Сардар З., Ван Дэвис М. Почему люди ненавидят Америку. — М., 2002.
8. Тиллих П. Систематическая теология. — М., 2001. — Ч. 3.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. — М., 1993.
10. Хомский Н. Прибыль на людях: Неолиберализм и мировой порядок. — М., 2002.
11. Чешков М.А. Глобализм. Контуры рамочной концепции // Проблемы глобализации: Реальность, тенденции, прогнозы: Материалы постоянно действующего Клуба ученых: «Глобальный мир». — М., 2001. — Вып. 6. — С. 4—36.
12. Naisbitt J. Global Paradox. — New York, 1995.
13. Shapiro R.I. Gomophobia: Confronting Fears about Open Trade. — Washington, 1998.